Усоньша-богатырша

Жил-был царь; у него было три сына. Прослышал этот царь (он был очень стар, а тут у него жена померла — стал еще старше), что есть за тридевять земель в тридесятом государстве у Усоньши-богатырши живая и мертвая вода и моложавые яблоки. Потом этот царь сделал обед для черни, созвал всю чернь. Потом после обеда начал вызов: не выищется ли кто, кто бы достал живой и мертвой воды и моложавых яблоков. И никто не выбрался. Потом этот царь сделал обед для войска. Тоже никто не выбрался. Тогда видят дети, что царь очень предался печали (о том), что никто не может достать живой и мертвой воды и моложавых яблоков Старшего сына звали Дмитрий-царевич, среднего Алексей-царевич, а младшего Иван-царевич. Только они друг с другом условились, что, если один поедет, пропадает, другой бы ехал и, если другой поедет, пропадет, ехал бы третий.

Приходит большой сын к отцу, говорит: «Батюшка, благословите меня! Я поеду, достану воды и моложавых яблоков». Царь был очень рад, благословил своего сына. Приказал собрать корабль и отпустил его с генералом-адмиралом. Потом ехали они сутки, двое; корабль их шел, как следует, на третьи сутки понесся их корабль. Они отпускали и паруса, бросали якоря, ничто не могло держать его. На четвертые сутки принесся их корабль к ужасному, высокому острову. Стояли они сутки, двои. На третьи сутки вышли они (царевич с адмиралом) на тот остров. Взошли на тот остров; на том острове преотличные плоды, растенья, цветы. Этот Дмитрий-царевич и говорит: «Если б не поехали мы за тридевять земель в тридесятое царство, мы бы никогда того не видали». Потом, когда ходили они по острову, явилась птичка; она очень Димитрию-царевичу понравилась. Он стал за ней ходить, когда он хочет ее поймать, она отлетит и опять сядет, так он и не может поймать. Генерал-адмирал и говорит: «Дмитрий-царевич! Бросьте за этой птичкой ходить, я уж очень стар, нет моих сил за вами ходить!». Он ему отвечает: «Нет, говорит, генерал-адмирал, я такой птички во всю жизнь не видал и, может быть, не увижу, я с ней не расстанусь, как-нибудь да поймаю». Только ходит, ходит, все не может поймать.

И говорит Димитрий-царевич: «Ну, генерал-адмирал, ступай на корабль, если через трои сутки я не буду, то ты отправляйся на родину к отцу, а я,

если назад не возвращусь, где меня бог благословит, там я и буду». Генерал-адмирал отправился на корабль, а он стал за птичкой ходить. Сколько ни ходил, все не мог поймать; пришла темная ночь, птичка порхнула в куст и пропала. Ходил он ночь и заблудился в том лесу и говорит: «Господи, говорит, послал ты на меня злого человека или лютого зверя!». Когда он эти слова проговорил, смотрит: сделалась тропинка там в лесу. Пошел он по этой по тропинке, смотрит: стоит хижина, вся мохом заросла. Он входит в эту хижину, сидит там старый старик с большой седой бородой, когда он взошел, старик этот и говорит: «Здравствуй, Димитрий-царевич! Я тебя сколько ждал. Что ты волею или неволею или своею большею охотою, дело пытаешь или от дела лытаешь?». Он, как царский сын, на старика закричал: «Старый черт! Не напоил, не накормил, а спрашиваешь!». Старик на него взглянул свирепым видом и говорит: «Я, говорит, таких не люблю, хоть ты и царский сын, я постарше тебя!». И закричал взять его в темницу и давать ему в сутки фунт воды и фунт хлеба.

Генерал-адмирал, когда прошло трое суток, обил свой корабль черным трауром, отправился в свое государство. Когда приезжает в свое государство, ударяет из пушки, извещает, что он приехал. Царь взошел на балкон, видит, что корабль в черном трауре. Потом посылает он адъютанта: «Поди, узнай, что за корабль пришел?». Адъютант съездил, приезжает, говорит, что это тот самый корабль, на котором поехал Димитрий-царевич за живой и мертвой водой и за моложавыми яблоками. Приезжает сам царь к кораблю; генерал-адмирал вышел к нему навстречу, падает к нему на колени: «Простите, говорит, меня, царь-государь! Когда, говорит, поехали мы с вашим сыном, два дни корабль шел хорошо, на третий день корабль понесся. На четверы сутки принесся он к острову; мы вышли на тот остров с вашим сыном, различные там плоды, цветы, птицы поют. И ваш сын за птичкой стал ходить и пропал с ней!». Берет его за руки царь, заплакал сам: «Стало быть, наше несчастье такое, генерал-адмирал!». И с того разу царь предался горести и предался старости.

Много ли, мало ли времени прошло, приходит к отцу второй сын, Алексей-царевич: «Благословите меня, батюшка! Где мой больший брат пропал, не замай, и я там пропаду. А, может быть, и достану вам молодильных яблоков, живой и мертвой воды». И опять отправил царь этот же корабль с этим же генерал-адмиралом. Ехали они двои сутки хорошо, на третьи сутки корабль их понесся, они снимали паруса, бросали якоря, не могли остановить корабль. На четвертые сутки принесло их к острову. Вышли они (царевич с адмиралом) на остров. Алексей-царевич удивился, погнался за той же

птичкой и попал в тюрьму к тому же старичку. Прошло шестеро суток, а его нет. Генерал-адмирал обивает корабль черным трауром и отправляется в свое государство. Приезжает в свое государство, выстрелил из пушки. Приезжает к нему царь, он вышел к нему навстречу, падает на колени: «Государь! Хотите, говорит, меня казните, хотите вешайте, все то же самое случилось!». Потом государь заплакал: «Что ж, говорит, я тебя загублю, детей не ворочу! Стало быть, наше несчастье с тобою такое несчастное!».

Когда проходит несколько времени, приходит Иван-царевич тоже к царю, говорит «Батюшка! Я хочу тоже ехать, может, погибну там, где мои братья погибнули, может, привезу вам моложавых яблоков и живой и мертвой воды». А отец стал его упрашивать: «Ах, милой мой сын! Как же я тебя отпущу? Ты еще молод, нигде еще не бывал! Я, говорит, очень стар, помру, на кого же я царство оставлю?». Сколько он ни останавливал, ни удерживал, не мог удержать — отпустил. Призвал генерал-адмирала: «Как можно, говорит, берегитесь того места, откуда у вас корабль несется!». Отслужили молебен и отправились они с генерал-адмиралом.

Когда едут сутки, другие, на третьи сутки опять понесся корабль их. Тогда генерал-адмирал приказал отпускать паруса, якори бросать, а Иван-царевич говорит: «Не нужно ничего, пускай несется». Понесся их корабль к этому самому острову. Генерал-адмирал говорит: «Вот, говорит, ваши братцы на этом острове пропали!». — «Ну, говорит, когда мои братья на этом острове пропали, пойдем на этот остров с тобою!». Пошли они на этот остров и видят то же самое: плоды, птички поют. Иван-царевич удивился: «Ах, говорит, генерал-адмирал! Если б я не поехал сюды, никогда бы я того не увидал!». Ходили они, ходили по острову. Вдруг явилась эта самая же птичка. Потом он за этой птичкой стал ходить, генерал-адмирал и говорит: «Иван-царевич! Не ходите за этой птичкой, за ней ваши братья ходили, пропали!». — «Ну, когда мои братья за этой птичкой пропали, не замай же, я их найду или вместе умру!». Потом говорит он генерал-адмиралу: «Отправляйся, генерал-адмирал, на свой корабль, жди меня три месяца, прождешь три месяца, жди три недели, прождешь три недели, жди три дня. Прождешь три дня, отправляйся в свое царство».

Генерал-адмирал пошел на корабль, а Иван-царевич отправился птичку ловить; пришла темная ночь, птичка порхнула в лес и пропала, а Иван-царевич остался один. Потом ходил он по лесу, не нашел ничего. «Ах, говорит, господи, что здесь нет ничего!». Только проговорил это, эта самая тропинка явилась перед ним, он пошел по ней. Когда подходит к той самой

хижиие, куда его братья подъехали. «Слава тебе, господи! Теперь жить могу, попал на жилье!». Входит в эту самую хижину, и сидит там этот самый старик. «А, говорит, Иван-царевич! Сколько лет я тебя ждал, насилу дождался. Что ты волею или неволею или своею большею охотою, дело пытаешь или от дела лытаешь?». — «Ах, говорит, дедушка! Я, говорит, не то, что неволею, а больше своею охотою, и дело пытаю и от дела лытаю!». — «Вот, говорит, Иван-царевич! Я таких людей люблю, которые покорны старым людям. Иван-царевич, ты, говорит, есть хочешь, устал, говорит». — «Да, говорит, устал, говорит, я, целую ночь ходил!». Только сейчас старик закричал, чтоб явилось двое кресел — и явилось двое кресел, и явились разные напитки, кушанья. И явилось все, и невидимо, кто что подавал. Только напились, наелись, после того музыка загремела. Когда музыка отошла: «Теперь, говорит, вы напились, наелись, ложитесь спать, а утром встанете, что будет, сами увидите!». Когда поутру Иван-царевич просыпается, видит, что он в таких палатах лежит, что чудо, и слуги ходят. Подходит к нему старик: «Иван-царевич! Вставайте, говорит, самовар готов!».

И так он жил, веселился; прошло два месяца, а ему показалось — три дня. Потом, наконец, старик у него спрашивает: «Что, Иван-царевич, куда вы едете, куда путь держите, и что вам нужно?». — «Я, говорит, еду: отец у нас стар и прослышал он, что есть за тридевять земель в тридесятом царстве Усоньша-богатырша, есть моложавые яблоки, живая и мертвая вода. Я еду доставать». — «Ах, говорит, Иван-царевич! Вам трудно достать не́что я, старик, вам помогу, тогда вы можете достать!». Вдруг он говорит ему: «Ну, Иван-царевич, смотри на меня!». Он на него смотрит, он с него портрет списал. Списал с него портрет, посадил его (Ивана-царевича) на стол, очертил мелом вокруг его, дал ему портрет и часы. «Смотри, Иван-царевич! Ты можешь достать воды и моложавых яблоков только в двенадцатом часу. Когда подойдешь, встретишь: стоят два богатыря, у каждого по палице в 500 пудов, и никого они не пропускают. Ты проходи в двенадцатом часу, тогда они спят, и назад норови в этом же часу пройти. Когда ты пройдешь в сад, стоят два льва, друг друга немного не достают, и стоят они у колодцев, где живая и мертвая вода, они в это время спят, и ты пройдешь. А моложавые яблоки растут: у Усоньши-богатырши подмышками цветут дерева, а на этих деревах моложавые яблоки. Ты в эти же часы можешь и их достать! Смотри же, когда, говорит, яблоки возьмешь, больше ничего не делай, я тебя прошу».

Когда только лишь старик проговорил эти слова, дунул на него, и он явился в том государстве. Сейчас видит: вдали два богатыря, посмотрел на часы — те самые часы (т. е. время), и те два богатыря спят. Проходит заставу, проходит сад, видит: львы стоят у колодцев, тоже спят. По левую сторону он взял мертвой, а по правую — живой воды, налил в пузыри, пошел к Усоньше-богатырше. Когда приходит в комнату, в первую, лежат двенадцать красных девушек, у них по полколен ноги открыты. Входит в другую комнату, спят двенадцать красных девушек... В третью комнату входит, там спит сама Усоньша-богатырша. И у ней, когда она почивает, из косточки в косточку мозжечок переливается, под мышками дерева с яблоками цветут. Когда он подошел к ней, снял у ней яблоки, потом очень раззарился на нее, влюбился и поцеловал ее... Когда, наконец, второпях видит, что ему осталось только четверт часа здесь быть, поскорее нужно идти. Потом вдруг схватил ее часы и портрет, а свои часы и свой портрет оставил. Когда выбегает за заставу, которой был его челн (был мелом очерчен вроде челнока), сел в него и поехал.

Потом Усоньша-богатырша проснулась, закричала: «Кто такой, невежа, был в моем царстве?». Потом приказала в погоню гнать и догнать его. Когда догоняют его, он и говорит: «Ах, говорит, дедушка, что ты со мной сделал? Должен я теперь погибнуть!». Только он эти слова проговорил, очутился опять у старика на столе. «Здравствуй, Иван-царевич! Я тебя уж давно дожидаюсь. Ну, говорит, расскажи, что ты, все ли достал?» .— «Я все, говорит, дедушка, достал...». — Ну, говорит, покажи своей портрет и подай мои часы!». Когда, наконец, он вынул портрет и часы: портрет ее и часы ее. «Береги, говорит, ты, Иван-царевич, этот портрет: за этим, говорит, портретом имеется самотрёс-кошелек! Ну, что ж, как ты там поступал? Непременно ты там глупостей наделал». — «Что, говорит, дедушка, прости, я, говорит, по малолетству».

Вдруг старик говорит: «Ну, Иван-царевич! Теперь время вам отправляться домой, вам осталось только три дня». Взглянул он на старика и слезно заплакал. «О чем же ты, Иван-царевич, так сильно плачешь?».— «Ах, говорит, дедушка, как же мне не плакать? Как же, говорит, дедушка: я теперь все достал, а братьев моих, говорит, нету». «Что ж, говорит, Иван-царевич! Тебе, стало быть, желается своих братьев выручить. Они, говорит, у меня!». — «Как же, говорит, мне не желательно, когда, говорит, они одной крови?». Тогда сейчас старик приказал братьев его привесть, сейчас привели его братьев. Они увидали своего брата, упали перед стариком на колени: «Дедушка, прости, говорят, нас!». Старик им отвечает: «Я бы вас

никогда не простил, да за брата вашего прощаю и отпускаю в свое государство».

Только сейчас вышли они из хижины, смотрят: возле них корабль стоит. Когда увидал генерал-адмирал Ивана-царевича с братьями, забыл свою старость, бросился к ним. Поблагодарили они старика этого, сами разукрасили свой корабль, отправились в свое государство. Иван-царевич, может, ночи две не спал и крепким сном заснул. Братья между собой и говорят: «Что же, говорят, мы старшие братья, мы ничего не достали, а он, младший брат, а все достал и нас выручил. Возьмем отберем у него все, а ему положим простых яблоков и морской воды!». Отобрали у него у сонного живую и мертвую воду, а ему положили морской, взяли моложавые яблоки, а ему положили простых, приезжают в свое государство.

Генерал-адмирал выстрелил из пушки. Царю докладывают, что приехал корабль, на котором отправился генерал-адмирал. Потом царь сам приезжает сюда, увидал генерал-адмирал и всех своих трех сыновей, забыл старость свою, очень обрадовался. Приезжают во дворец, стал он у них спрашивать: «Что, дети мои, достали ли для меня что?». Иван-царевич говорит: «Всего я для вас достал: и моложавых яблоков, и живой и мертвой воды!». Потом дает отцу воды; отец выпил воды и сделалась с ним рвота, и упал он в обморок от этой воды. Когда сейчас потребовали доктора, низвели его в чувства. Иван-царевич вынимает ялбоки. «Вот, говорит, как съедите, и сделаетесь молодыми!». Он съел, как был, так же и остался стар. Потом те братья и говорят отцу: «Он, говорят, все врет, а мы, говорят, все достали: живой и мертвой воды, и моложавых яболоков!». Тогда отец выпил их воды и сделался здрав, съел яблоков и сделался молодой, как и дети его.

Тогда он на Иван-царевича осердился, велел потребовать палача. «Вот тебе, палач, мой сын, отведи моего сына в поле, изруби его в мелкие кусочки и принеси мне меч в его крови!». Пошли они в поле, и горько Иван-царевич плачет, и видит палач, что он напрасно погибает. Выходит в чистое поле. Иван-царевич говорит: «Палач, не руби меня! Отрежь у меня у левой руки мизинец и помажь меч!». Палач отрезал у него мизинец и помазал свой меч кровью. Потом Иван-царевич и говорит: «Палач, держи полу: я за это буду тебя благодарить!». Он вынимает самотрёс-кошелек, целую полу натрёс ему золота. Распростился он с палачом и отправился.

Приходит Иван-царевич в другое государство. Подходит к городу, стережет пастух скотину. Подходит он к пастуху: «Отдай одежду, а мою возьми себе!». Пастух говорит: «Как можно, говорит, батюшка, вы надо мной

смеетесь! Как можно вашу одежду на мой кафтан променять». Потом он скидает свое платье, отдает пастуху, а пастуший кафтан надевает. Потом поблагодарил он пастуха и пошел сам в город.

Пришел он в город, везде во всех местах рассматривает, где что есть. Вот он подходит к одной лавке. В этой лавке старичок сидит, торгует. Он стоит, смотрит на него. Народ перемежился, старик стал спрашивать: «Кто ты такой?». Он ему отвечает: «Я, говорит, не знаю откуда, не помню и родства!». Так как старик заметил, что он был очень прекрасен и на словах неглупый, начал его приглашать у себя жить. А детей у этого старика, кроме дочери, не было. Когда он сидел у него в лавке, старику доход отличный был, барыш. Выстроил ему другую лавку, посадил одного его торговать. День торговал, два. На третий день он отворил лавку; шел полк солдат мимо, он и говорит солдатам: «Что есть в лавке, берите все себе!». Солдаты разобрали все, а он вынул кошелек-самотрёс, во все ящики золота насыпал. Увидали этого купца другие купцы и спрашивают: «Где ты, говорят, такого дурака себе взял?». — «А вам, говорит, что ж за дело?». — «Да нам со стороны жалко. Сегодня он отворил лавку, пустил солдат, не то чтоб какие от них барыши, все разобрали дочиста». — «Хоть, говорит, весь товар у него разобрали задаром, а я во всю жизнь не получал столько барыша, как от него». Потом купцы и говорят: «Постой, мы завтра раньше встанем и солдат пустим!». Поутру рано встали. Шел полк солдат на ученье. Купцы и говорят: «Солдаты, берите, что вам угодно!». Солдаты все у них побрали, у них и не осталось ничего, ни денег, ни товару. «Вот, говорят, старый, сам обанкрутился и нас в банкруты произвел».

Когда Усоньша-богатырша с того времени, как Иван-царевич у ней был, родила себе двух сынов, и дети ее росли не по дням, а по часам. Когда им было по пяти лет, они стали ходить, учиться грамоте. Только другие товарищи смеются над ними, говорят, что у них отца нет. Это им показалось обидно. Приходят они домой к своей матери и очень плачут слезно. Мать на них смотрит: «Дети мои, о чем вы плачете?». — «Как же нам не плакать, когда царские дети говорят, что у нас отца нет». Она вздохнула и слезно заплакала: «Есть, говорит, у вас отец, да далеко, за тридевять земель, в тридесятом государстве, царский сын, звать Иван-царевич и прекрасен собой!».

Потом эти дети начали мать просить: «Сделай милость, мамаша, поедем разыскивать папашу». Потом она снарядила корабль, поехала вместе с детьми отыскивать Ивана-царевича.

Когда приезжает она к этому царю, посылает посланника и письмо: «Выдайте мне виновника, а не выдадите, я все царство огнем пожгу, а вас самих в плен возьму». Потом дорогу от своего корабля до царского дворца выслала красным сукном. Царь призывает своих детей: «Ну, дети мои милые! Кто из вас виноват перед ней, ступайте, говорит, к ней». Вот большой сын Дмитрий-царевич убрался в хорошую одежду и отправился к ней. Потом увидали его дети. «Мамаша! Это не наш ли идет папаша?». — «Нет, это, говорит, не папаша, а вашего папаши брат. Только он выдает себя за папашу и что передо мною виновен». Дети-то и спрашивают: «Что ж, говорят, прикажете с ним делать?». Она им отвечает: «Как, говорит, придет, схватите и заключите его в темницу». Как только этот Димитрий-царевич поравнялся, они его схватили и дали двести пятьдесят ударов.

Потом эта Усоньша-богатырша посылает посланника и письмо: «Выдайте мне виновного, а не выдадите, все царство огнем пожгу, всех в полон возьму». Опять этот царь призывает своих детей. «Кто из вас, говорит, виновен перед ней, ступайте, говорит, к ней». Потом Алексей-царевич надел хорошую одежду, идет к ней. Вот дети и спрашивают: «Мамаша! Это не наш ли папаша идет?». — «Нет, говорит, это вашего палаши брат». И этого схватили, заключили в темницу.

Потом Усоньша-богатырша снова виновника требует. Тогда Димитрий-царевич и Алексей-царевич падают к отцу на колени: «Прости, говорят, нас, батюшка! Что, говорят, наш брат все достал, а мы ничего не достали, он нас самих выручил из нужды. Он и виноват перед ней». — «Где же мы теперь можем его взять, когда я приказал палачу изрубить его в мелкие части?». Потребовали палача. «Если ты, говорит, моего сына изрубил, целые куски подай мне сюда!». Палач падает на колени: «Я, говорит, вашего сына не убил, только мизинец отрезал». Царь поднимает его за руки и целует и пожаловал его генералом. А сам разослал посланников по всем губерниям, по всем городам разыскивать его, где он находится. Посланники приезжают в тот самый город, искали везде. Потом рассказывают им купцы, что «вот у такого-то купца есть прекрасный человек, и у него нет пальца. Только у них завтрешний день свадьба будет: старик хочет его женить на своей дочери». Вот приходят посланники к этому старику, заметили, что на левой руке нет пальца. Взяли его, посадили и увезли. Прочие говорят: «Непременно какой-нибудь разбойник, что-нибудь сделал и убежал». Потом привозят его к его отцу.

Когда увидал его отец и братья, пали пред ним на колени, просят прощенья. «На что ж, говорит, я вам понадобился? То был не нужен, то вдруг понадобился». Царь ему и говорит, что Усоньша-богатырша требует своего виновника. Иван-царевич заплакал. «Ах, господи, боже мой, то был в беде, а что теперь будет со мною?». Тотчас принесли ему царское платье, хотели его одеть. «Мне не нужно, говорит, вашего платья, дайте, говорит, мне худой кафтан». Дали ему худой кафтан, лапти худые, сапухой (сажей) обмазался, отправился. Когда идет к ней, дети-то и говорят: «Какого это пугалища царь выслал?». Она им и говорит: «Нет, говорит, дети! Это ваш папаша, как придет, разуйте его и как можно чище вымойте!». Как он поравнялся с ними, разули, раздели, вымыли его, она сейчас подает платье свое и приказала его одеть детям своим. Когда одели его и приводят к своей матери. Поздравляет она его с детьми: «Когда (так как) вы были в моем государстве, извольте меня замуж взять!». Он был этому очень рад, берет ее за руки и приходят к своему отцу. «Вот, говорит, папаша, моя нареченная супруга». Царь был очень рад. У них не пиво варить, не вино курить, сейчас и свадьба. Когда повенчались, братьев своих здесь оставил, а сам отправился в ее государство. И отлично живут.

(Село Мишино Зарайского уезда)

Великорусские сказки в записях И. А. Худякова. Издательство "Наука". Москва-Ленинград, 1964.